

© В. И. БОРОДУЛИН, 2004
УДК 61:93(470)

В. И. Бородулин

**МОСКОВСКИЕ КЛИНИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ ЗАХАРЬИНА И ОСТРОУМОВА: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ,
СОДРУЖЕСТВО ИЛИ СОПЕРНИЧЕСТВО?¹**

Кафедра истории медицины и культурологии ММА им. И. М. Сеченова, НПО "Медицинская энциклопедия"

Ведущими терапевтическими школами, которые определили успешное развитие нашей медицины на рубеже XIX—XX веков, и клиницисты, и историки медицины единодушно называют школы Боткина, Захарьина и Остроумова, созданные тремя крупнейшими нашими интернистами второй половины XIX века. Одновременно в отечественной литературе также давно и устойчиво живет представление о петербургской и московской врачебных школах по большей части в их противопоставлении в связи с получившей широкую огласку в печати борьбой бот-

кинской и захарьинской школ². Так две или три школы? Как снять это противоречие? С Петербургом все ясно: у С. П. Боткина, создавшего в Военно-медицинской академии (ВМА) самую крупную и влиятельную клиническую школу в России, нет конкурентов — ни Э. Э. Эйхвальд, ни тем более другие питерские терапевты крупных научных школ не создали. Но как быть

¹Доклад на конференции "Медицинская профессура Российской империи", 12 марта 2004 г.

²Голубов Н. Ф. О направлениях в русской клинической медицине (Москва и Петербург) // Захарьин Г. А. Клинические лекции и труды факультетской терапевтической клиники Императорского Московского университета. — М., 1895. — 3-е изд. — Вып. 4. — С. 169—206.

с Московским университетом, где одновременно со школой Г. А. Захарьина в факультетской клинике была, в соседней госпитальной клинике, школа А. А. Остроумова? В литературе готового ответа нет. Здесь у нас два логичных продолжения: либо признать "дочернее", преемственное положение школы Остроумова по отношению к "материнской" школе Захарьина и тогда правомерно говорить, хотя бы условно, о московской школе, либо считать их самостоятельными школами и тогда ответить на вопрос об их взаимоотношениях (содружество или соперничество?) и не пользоваться понятием "московская школа".

Известно, что Остроумов начинал свой врачебный и научный путь в клинике Захарьина, по его рекомендации был отобран для подготовки к профессуре. Следовательно, он первоначально "происходил" из школы Захарьина. Свою профессорскую деятельность он начинал в ту пору, когда слава Захарьина была в зените. Уже в 90-е годы с переездом на Девичье Поле факультетская и госпитальная клиники стояли бок о бок. Считался ли профессор Остроумов представителем школы Захарьина? Ни сам Остроумов, ни его ученики никогда не говорили о влиянии на них захарьинской школы. Других свидетельств в литературе тоже нет. Да это и понятно: принципиально иное направление научной деятельности было слишком заметно. Захарьин развивал традиции "научной эмпирии" (вспомним, что это понятие введено Р. Вирховом), заложенные еще при становлении клинической медицины английским Гиппократом Т. Сиденгамом, славился мастерством диагностики и лечения и прежде всего анамнестическим методом, "доведенным до высоты искусства" (как говорил его поклонник выдающийся французский терапевт А. Юшар). Интересно, что ряд его сотрудников защищали диссертации на экспериментальные темы (о чем редко вспоминают), однако общее направление его клиники и школы было конечно же традиционным — клинико-морфологическим.

Остроумов в начале своей научной деятельности выступил как физиолог, последователь немецкой школы экспериментальной физиологии и патологии. Его клинические лекции свидетельствуют, что в дальнейшем он и его школа развивали клинико-биологическое направление и функциональный подход к проблемам патологии; тем самым он шел по пути, близкому к тому, которым следовал Боткин, но никак не Захарьин. В отличие от Боткина его научные интересы концентрировались преимущественно не на вопросах патогенеза, а на проблемах "человека в окружающей его среде", роли наследственности и других, как мы теперь сказали бы, факторов риска. Отличие от Захарьина (анамнестический метод которого он, конечно, принял и развил) было много существеннее: как и Боткин, он стремился подняться от мозаики клинических и патолого-анатомических фактов к широкому теоретическим обобщениям физиологического и общебиологического характера, чего Захарьин принципиально избегал. Усмотреть какую-либо преемственность в научных интересах учителя и бывшего ученика никак не удается.

Однако пытаться понять суть расхождений Захарьина и Остроумова, а соответственно и взаимоотношений их школ, ограничиваясь сугубо научной сферой, — пустое дело (и в этом отличие рассматриваемой ситуации от одновременного противостояния боткинской и захарьинской школ). Здесь, кроме внутренней истории (т. е. логики развития науки), действует и фактор так называемой внешней (по отношению к этой логике) истории. Нельзя не учитывать, что Захарьин и Остроумов были конкурентами в частной практике, а главное, они резко разошлись не только как ученые, но прежде всего из-за своих общественно-политических позиций и характерологических особенностей. Захарьин был убежденным монархистом, находился в дружеских отношениях с графом Д. А. Толстым — министром народного просвещения и обер-прокурором Синода, одним из вдохновителей политики контрреформ — и не стеснялся держать его большой портрет в комнате, где больные ожидали приема. В 80-е и 90-е годы он был уже последовательно консервативен во всем — и в политике, и в науке, и в быту. Характерной чертой и врачебной деятельности, и школы Захарьина стала доминирующая роль частной практики, нормой жизни — стяжательство. Остроумов, напротив, оставался ученым реформаторского склада, принадлежал к левому крылу либеральной профессуры, в какой-то мере смыкавшемуся с революционным студенчеством. И самое существенное: все это происходило в то время, когда Россия была "беременная" по крайней мере двумя, если не тремя революциями (многие сейчас придерживаются ленинской формулировки "октябрьский переворот"), и крайне политизированная обстановка поделила всех на своих и чужих. Своим, как положено, прошалось все, чужим — ничего.

Большая часть профессуры и студентов университета, врачебной общественности — современников Захарьина (а уж тем более потомки — советские историки медицины) не прошли ему "реакционности", стяжательства, самой атмосферы его клиники, где царили барство и подобострастие перед деспотичным

директором. Все справедливо, только при неизбежной мифологизации исторических фигур, правда перемешана с умолчанием (т. е. полуправдой) и откровенной ложью. Например, разные авторы упорно твердили нам о лейб-медице Захарьине; действительно, ему было предложено это почетное звание, но он отказался, а в лечении смертельно больного императора, разумеется, участвовал. Зато первым лейб-медиком из русских при дворе императора Александра II стал С. П. Боткин (1870 г.), о чем советские авторы старались умалчивать (поскольку деятель, конечно, прогрессивный). Консерватизм Захарьина неоспорим, но он не мешал ему стоять у истоков формирования педиатрии, гинекологии, бактериологии в Московском университете. Непомерно высокие гонорары, участие в крупных (в том числе и скандальных) финансовых операциях — "упрямые" факты, но были и крупные суммы пожертвований в пользу молодых ученых и студентов университета, на нужды благоустройства, образования и науки в России и Черногории. В нем сочеталось несовместимое; это была, может быть, самая противоречивая фигура в истории нашей медицины³.

По стандартам мифологии, в любой бинарной оппозиции один — белый, другой — черный. И если уж Остроумов — белый, то в официальной литературе сначала у учеников, затем и у историков⁴ он свободен от недостатков; фигурируют только осторожные намеки на тяжелый характер в последний период его деятельности в связи с болевым синдромом (так же, как и у Захарьина), и на излишнюю резкость суждений и поступков, что нетрудно простить. Поэтому разумно посмотреть, что пишут люди, свободные от избыточного пиетета и уж тем более от идеологического пресса цензуры в СССР. В Париже в 1930 г. вышел юбилейный сборник, посвященный Московскому университету⁵, где опубликована статья С. Абрамова "Медицинский факультет Московского университета 90-х годов". Читаем: "Остроумов родился в духовной семье и в облике его было много от бурсы — черный длинный сюртук, громовой бас, грубоватая нетесанность манер и тяжеловатое остроумие. В мое время (1900—1901; отметим, что это последний год его профессорской деятельности. — В. Б.) он уже несколько неглижировал клиникой и нередко больного видел в первый раз на лекции. Но, несмотря на это, его лекции были верхом поучительности. Он писал в диагнозе не только одно основное страдание, а все по органам, как пишут патологоанатомы, и диагнозы клинический и анатомический обычно совпадали дословно". Он восставал против механического переноса данных эксперимента в клинику: "В университетской программе значится курс физиологии человека. А вам вместо нее читают физиологию какого-то совершенно фантастического животного, чего-то среднего между лягушкой и собакой". Пример его шуток на лекциях: "Если больному на роду написано выздороветь, то, ей-Богу, господи, как вы его ни лечите, он все-таки выздоровеет"... Складывается впечатление, что перед нами источник, объективно — и с уважением, и с критикой — описывающий ситуацию. И вот этот источник содержит следующую информацию: "Из всех профессоров того времени Остроумов был, пожалуй, самым большим генералом. Его обходы клиники были всегда очень торжественным шествием. Выговоры ординаторам делались при всей палате в необыкновенно веской форме. После обхода всегда имело место совещание в его кабинете и мы, студенты, когда открывалась дверь в коридор, видели, что там происходит. Остроумов сидел за письменным столом в кресле. Против него на стульях ассистенты. А ординаторы стояли шеренгой у стены. Им в присутствии директора сидеть не полагалось. Подавать им руку Остроумов начинал только со второго года службы". Вот вам и хрестоматийный образец (по официальной советской литературе) профессора-демократа. Приходится констатировать, что несколькими годами ранее представленной здесь картины тиран Захарьин соседствовал с тираном Остроумовым. Прощать не умел ни один из них; бывшие учитель и ученик стали врагами.

Подведем краткие итоги. На рубеже двух веков в Императорском Московском университете были две научные клинические школы — Захарьина и Остроумова, не только самостоятельные, не состоящие в прямом "матерински-дочернем" родстве, но и противостоящие друг другу; следовательно, всякие разговоры о "московской" (т. е. единой) клинической школе лишены научной корректности.

Поступила 28.04.04

³Бородулин В. И. Г. А. Захарьин: на перепутье клинической медицины // Клиническая медицина. — 1998. — Т. 76. — № 7. — С. 72—77; № 8. — С. 75—80.

⁴См., например: Гукасян А. Г. А. А. Остроумов и его клинико-теоретические взгляды. — М., 1950.

⁵Московский университет: 1755—1930. — Париж, 1930. — С. 376—381.